

Жизнь Марка Хейза оказалась в опасности ещё за сотни лет до его рождения. Виной тому стал японский мальчик, уснувший во время ритуальной игры хяку моногатари кайданкай. А дело было в седьмом месяце по лунному календарю, когда по старинной традиции на чайных домиках вывешивали бумажные фонари.

Удушливая жара даже к вечеру не отступила от города. Клочковатые облака, предвещающая грозу, пенились на тёмно-синем небе и собирались в рыхлые кучи. Сад вокруг чайного домика был неподвижен, весь в дымных тенях; азалии и дзельквы с причудливо изогнутыми ветками застыли размытыми фигурами. Космы тумана ползли между кустарниками, опутывали каменные фонарики и пожирали статуи божков.

В час Собаки* по тропинке, усыпанной хрустящим песком, пробежала служанка в холщовом платье. У входа в домик она сняла деревянные сандалии и скользнула внутрь. В крохотной кухоньке на жаровне с древесным углём пыхтел чугунный котелок, от которого исходил восхитительный аромат вьюнов и тушёного лука. Служанка сглотнула, переставила котелок на красный лакированный поднос и торопливо направилась к самой большой комнате, где несколько торговцев и Сэто́ру, десятилетний внук хозяйки, третий час подряд рассказывали леденящие душу истории. Она опустилась на колени перед скользящей дверью и, поставив поднос на пол, отодвинула её. В нос ударил кислый запах морских водорослей и уксуса. Простая квадратная комната с окном в сад была выстелена татами. Торговцы обмахивались круглыми веерами и слушали старика в шёлковой хаори. Он сидел на мягкой подушке дзафу, постоянно дёргал косматую седую бороду, придававшую ему грозный вид, и низким голосом вещал:

— Клянусь, я думал, это моя жена! Она имеет привычку поздно вечером распускать волосы и долго расчёсывать их гребнем. Так вот. Я раздвинул сёдзи и вошёл в спальню. Жена сидела ко мне спиной, рядом на низеньком столике стояло блюдо с рисом и маринованной редькой. Не успел я и слова произнести, как волосы у неё на голове зашевелились, череп на затылке разошёлся, обнажив чудовищный рот с острыми зубами и языком-змейкой.

Служанка испуганно ахнула и опрокинула чашечку с тёплым вином, которую как раз подавала молодому мужчине с гладковыбритыми впалыми щеками. Но он не обратил на это внимания, а только спросил, равнодушным тоном маскируя отвращение:

— Неужто Футаку́чи? Будь она неладна.

---

* Согласно китайскому календарю, период с 19 до 21 ч.

— Она самая, — кивнул старик и продолжил. — И вдруг волосы-щупальца удлинлись, схватили мисочки с едой и запрокинули в ненасытную пасть. Я от ужаса не мог и шагу ступить, раздумывая, как это демон проник в моё жилище. Зубы с противным треском перемалывали посуду, слюна стекала по спине, а из утробы вырывался болезненный стон. Потом щупальца потянулись ко мне, по халату поползли прямо к шее и принялись душить. Тут уж я очнулся от морока, попытался освободиться, стал хрипеть и звать на помощь. К счастью, в то время у меня гостил брат. Он услышал мой зов и ножом перерубил волосы Футакучи.

Дрожащая от страха служанка мельком взглянула на Сэтору, который смущённо пожал плечами. Они дружили и часто играли в саду у водоёма с золотыми карпами, а теперь вот не по своей воле оказались на жуткой церемонии.

— Иди, девочка, домой, — произнёс старик и обернулся к Сэтору. — А ты не забудь затушить очередной фонарь, как только история окончится. Мой отец рассказывал, что как-то играющие сбились со счёта. Открылся проход в потусторонний мир, и оттуда вырвались злые духи. Все жители дома бесследно исчезли, словно их и не было вовсе. Запомни, мальчик, девяносто девять, и ни историей больше, иначе случится беда.

Служанка несколько раз поклонилась, поспешно собрала грязные миски и бросилась к раздвижной двери. Сэтору затушил один из тринадцати оставшихся бумажных фонариков, что тревожно дрожали по периметру комнаты. Глянул в окно и заметил подругу, убегающую прочь от чайного домика. Её белые носочки мелькали среди чёрных кустов и булыжников. Вспышка молнии на мгновение выбелила вечер, потом сильный удар грома сотряс воздух и землю, и наконец-то хлынул ливень.

Митиáки, молодой торговец сыром, зловеще прошептал:

— Гроза во время хяку моноготари — плохая примета. Но ещё хуже — прийти ночью на перекрёсток. Обязательно

повстречаешься с каким-нибудь призраком. Недавно я видел юрэя. Это была женщина в белом погребальном саване, длинные волосы полностью закрывали лицо, а вместо ног — пустота...

...Сэтору внимательно считал истории. У опьяневших от саке торговцев заплетался язык, и они так и норовили перескочить на другую тему. Например, им чудилось, что снаружи кто-то ходит. Быть может, рассуждали они, дух дождя бродит по пустынной улице.

Комната постепенно погружалась во мрак. В воздухе стоял тяжёлый аромат сандалового дерева и жасмина (зажгли курения), дождь монотонно стучал в окно, и Сэтору закрыл глаза. Всего на мгновение. Так ему показалось. Усталость накатила, к тому же голоса убаюкивали. Встрепенулся и посчитал фонари — горело два.

А если я ошибся? Господин Такáси рассказывали про ака-намэ, который слизывает грязь в бане. Дальше говорил господин Юкихира. А потом... Что же я наделал? Дыхание у Сэтору устало, руки задрожали.

На лица торговцев, окружённых тьмой, легли резкие тени. Митиаки как раз закончил очередную историю и посмотрел на Сэтору, но тот так трясся от страха, что стало понятно: случилось непоправимое — мальчик сбился со счёта.

Через несколько мгновений прямо посреди комнаты возникла каменная арка. Пространство под ней затягивала сияющая серебристая пелена, похожая на треснувшее огромное стекло, дрожащее на ветру. Откуда-то издалека, словно из-под земли, доносились многоголосый гул и глухие взрывы. Торговцы ошарашенно молчали.

Лучше бы ругались, — подумал Сэтору. С его лба срывались мутные капли пота, на щеках они перемешивались со слезами.

Полупрозрачная штора из странной стеклоподобной ткани немного сдвинулась, и в образовавшейся прорехе появилось

затравленное девичье лицо. В нём было что-то дикое, наводящее жуть. Незнакомка пересеклась взглядом с Сэтору, бледным как смерть, и обречённо выдохнула.

Каори бежала, не разбирая дороги. Ленты тумана обволакивали её, вились вокруг, словно живые. Босые ноги, израненные острыми камнями, уже не чувствовали боли. Из лёгких вырывался свистящий хрип. Паника сдавливала со всех сторон, душила, ещё мгновение — и проглотит.

Бежать! Бежать! Чтобы не раствориться в кромешной тьме, не отравиться её ядовитым смрадом.

Каори споткнулась и распласталась на земле. Рука скользнула по влажной траве и наткнулась на что-то твёрдое. Каори пригляделась и крепко прижала к губам кулак — только бы не закричать. Прямо на неё пустыми глазницами пялился человеческий череп с островками изъеденной червяками плоти. Запах стоял тошнотворный. А впрочем, всё это проклятое место было пропитано гнилью и смертью.

Внезапно на спину запрыгнуло чудовище, впилося когтями в поясницу и схватило за волосы. Вскрикнув, Каори извернулась, стряхнула его с себя и рванула прочь. Жуткая боль прожгла затылок — клочок волос остался в когтистой лапе.

Плевать! Лишь бы подальше отсюда!

— Остановись! Жех-жех. Думаешь, можешь спрятаться от меня? Вернись и закончи обряд посвящения! — вопила тварь высоким скрежещущим голосом.

— Я... хочу домой... к отцу... прошу... отпусти меня...

Каори вновь споткнулась и лбом ударилась о плоский камень. Горло сдавило удушьем. В нос шибануло затхлым душком отсыревших трав. Заметила движение над головой — нависла

огромная тень. Горбатый силуэт, покрытая слизью шкура и горящие зелёным глаза. Где-то поблизости завывали и собирались другие монстры — будто учуяли падаль.

— Пойдём, я отведу тебя в храм, жех-жех, — прошипела Горбатая Тварь, приближая к пасти клок выдранных волос и с наслаждением слизывая капельки крови.

— Великий Сусаноо*, ты слышишь меня? Помоги, выведи отсюда, — бормотала Каори, впиваясь пальцами в сырую землю. И точно в ответ на молитву прямо из воздуха соткалась каменная арка, затянутая серебристой сияющей пеленой.

— Даже не смотри в сторону Канители Времени. Без разрешения повелительницы Идзанами** туда лучше не ходить. Жех-жех. Ей это не понравится, — предупредила Горбатая Тварь, смахивая с себя сгустки омерзительной жижи.

Но Каори влекло это мерцающее пятно, хотя она даже не догадывалась, что находилось за пеленой. Может, здесь, в Стране Жёлтых Вод, и вправду лучше. Желание быть ближе к свету жгло невыносимо, поэтому она, спрятав камень в ладони, поднялась и сказала:

— Так и быть. Закончим обряд.

— Следуй за мной! — Горбатая Тварь грубо толкнула девушку в плечо.

Тогда Каори наотмашь ударила монстра камнем по голове, в несколько прыжков преодолела расстояние до каменной арки и, почувствовав невероятный прилив сил, отодвинула за весу и нырнула в неизвестность.

А внутри ничего не было. Звонящая пустота и колонны из рыхлого грязно-белого тумана, убегающие ввысь и подпирающие

---

* Бог ветра в японской мифологии.

** Богиня творения и смерти в японской мифологии.

брюхо тёмно-серой хмари без конца и края. Дымчатые полотна-занавеси смыкались вдалеке. Каори не чувствовала ни холода, ни жажды, ни боли. Даже страх смерти отступил. Странное место, безликое и тусклое.

Она сделала пару шагов, не ощущая под ступнями твёрдого основания, словно земля была выстелена покрывалом из козьей шерсти. Время здесь тоже не существовало. Сколько Каори провела в Канители? Одну минуту или несколько вёсен? А что такое минута, что такое вечность?

Побродила ещё немного. Что делать дальше? Куда идти? Может, её судьба уже предрешена и стоит вернуться к Идзанами, стать ёкаем*, потерять человеческое обличие и навсегда забыть о родной деревне и об отце?

Великий Сусаноо, бог, сотворённый из капель воды, вспомни, что я всегда почитала тебя. Помоги мне!

Перед глазами замельтешили разноцветные пятна. Их было так много, что всё пространство вокруг запестрело и засверкало. А ещё хор перекликающихся голосов! Безмятежный смех детей, жуткие возгласы и нежные признания в любви. Они буравили мозг, проникали под кожу. Исполинский пчелиный улей. Ш-ш-ш-ш... Канитель, однообразная, затяжная, нудная, засасывала в свою утробу, ни конца не было ей, ни края...

Каори подняла руку, будто хотела отогнать от себя надоедливых мошек, но пальцы угодили во что-то вязкое и липкое. Мгновенно исчезли все звуки и пятна. По спине пробежал на удивление приятный холодок. Она почувствовала, что её засасывает гигантская воронка. Сопротивляться было бесполезно — туман за клубился, едва ли не закипел. Её понесло по волнам воспоминаний разных людей. Перед внутренним взором проносились эпохи и менялись поколения.

---

* Собирательный термин для всех сверхъестественных существ японской мифологии.

Внезапно Каори выбросило в комнату с белыми стенами и высоким потолком. Из широкого окна лился яркий солнечный свет. На возвышении лежала молодая женщина и жалобно стонала. Живот огромным куполом вздымался над телом. Лоб покрылся испариной, тонкое платье взмокло, а узкие ладони с прозрачной кожей судорожно сжимали простыню.

Рожает, – догадалась Каори и поклонилась:

– Простите!

Но ни роженица, ни две другие женщины, находящиеся в помещении, не обратили на Каори внимания, точно её и не было. Одна из них, седая в белой накидке, что-то нежно шептала и ободряюще гладила роженицу по плечу. Вторая, в зелёном костюме и плоской шапочке на голове, давала чёткие указания: как дышать, когда отдыхать, а когда тужиться.

Повитуха, что ли? Странное место, странные предметы и мебель.

Вдруг роженица истошно закричала, дёрнулась вперёд, почти села и уже в следующее мгновение облегчённо выдохнула. Повитуха улыбнулась, приподняла на ладонях младенца, сморщенного, краснокожего, пронзительно кричащего, и переложила на грудь матери. Малыш мгновенно успокоился, закричал и заёрзал ножками-веточками.

– Крепкий у вас сынок. Поздравляю! Имя придумали? – спросила повитуха.

– Давно придумала. Марк. – Новоиспечённая мама прикоснулась губами к макушке ребёнка.

– Марк, – повторила Каори и, сама того не желая, невидимой нитью связала младенца с миром демонов, сделала узнаваемым среди них, «своим».

Если бы она только могла знать, на что обрекала ребёнка. Ночные кошмары, зловещие голоса из ниоткуда, необъяснимый страх... Но всё это будет потом, теперь же был праздник, торжество жизни. И первые материнские слёзы счастья.

Каори обернулась и обнаружила дверь. Медленно отворила её, вышла наружу и вновь оказалась в объятиях тумана. На расстоянии вытянутой руки высилась каменная арка, затянутая мерцающей пеленой. Неужели путь один — в Страну Жёлтых Вод? Может, навечно остаться в этом сумраке и в одиночестве бродить по лабиринтам?

Она слегка отодвинула пелену и от восхищения перестала дышать. Вместо чудовищ и черепов с пустыми глазницами Каори увидела хоть и слабо освещённую, но самую обычную комнату с сидящими на соломенных циновках мужчинами. Вот же он, выход в мир людей. Как объяснить своё странное появление, Каори не знала. Да и какая разница? Главное, она среди живых, тех, у кого кроме плоти и крови есть ещё и душа. И прежде чем рука полностью освободила проход от тяжёлой материи, Каори заметила перепуганного заплаканного мальчика. Его трясло, как в лихорадке, зубы громко отбивали чечётку. А уж взгляд... Этот взгляд заставил её окаменеть.

Они меня боятся! Ну и что? Я расскажу, как меня предали, обманули. Разве я виновата в этом? Впрочем, не надо ничего объяснять. Пока они не опомнились, выбегу и спрячусь на улице. А там как-нибудь найду дорогу домой.

Уже потом, много раз прокручивая в голове этот момент, Каори сокрушалась и вспоминала испуганного мальчика, из-за которого и произошла заминка. Всего несколько секунд поделили её будущее.

Она почувствовала, как вокруг лодыжек сомкнулись холодные липкие пальцы-щупальца. Это туман, всего лишь туман, решила Каори и резко отодвинула пелену, намереваясь ступить в комнату, но услышала дикие вопли за спиной. Обернулась. Во мраке кишели глаза, горящие и озлобленные. Из хмари выходили ёкаи. Сотни уродливых тварей всех размеров и форм. Каори кожей ощутила, как завибрировал воздух от визга, хохота

и плача. Омерзительные звери с жадными пастьями, истекающими слюной, медленно подкрадывались; неестественно вытянутые призрачные человечки судорожно извивались телами; беззубые старухи, дёргающиеся в конвульсиях, и невероятно красивые женщины со змеиными языками нестройным хором пели заунывную песню.

Каори и хотела закричать, да не могла.

Прочь! Прочь от этих ненасытных тварей!

И вдруг осознала, что вряд ли может сдержать ёкаев и помочь этим людям с перекошенными от ужаса лицами. Неужели и они обречены? Неужели и с ними случится страшное и неизбежное?

Почему же они не бегут, не спасаются? Идиоты! Жаль только мальчишку. Впрочем, хватит мешкать! Пора!

Каори сделала шаг, но кто-то дёрнул её за ногу и вернул в Канитель. Она понеслась, кувыряясь, в глубокую и чёрную бездну на безумной скорости, от которой почувствовала себя сплюснутой и раздавленной. «Без разрешения Идзанами в Канитель лучше не ходить. Повелительнице это не понравится», — пришли на память слова Горбатой Твари. Мир вокруг померк.

